

АКТЕРСКИЕ УДАЧИ

ДОВЕРЧИВЫЙ ФАЛЬСТАФ

Сцена пока пуста и безжизненна. На тускло-зеленом фоне — причудливое дерево, два крыльца-«скворечника». Вот и все, что показывает нам сначала художник Т. Дишвили. Интригующе просто.

Когда зал успокоится и каждый зритель найдет свое законное место, медленно начнут гасить свет. В пустой необжитый дом, в безмолвную пустыню осторожно ступит человек. Это шут. У него ярко размазанное лицо, внимательный, изучающий взгляд. Он поет песню про любовь, которая идет по земле «сама для себя надежда, сама для себя защита». И мы словно видим босоногую светловолосую девчонку со смелым и беззащитным лицом и боимся спугнуть видение. «Все, как вновь, и все, как встарь...». Шут кончает песню, бросает последний взгляд в зал. Так возникает первый, пока еще ассоциативный штрих в характеристике главного героя — Фальстафа.

Внезапно сцена преобразается. Вспыхивают и гаснут разноцветные прожекторы, словно кто-то веселой рукой перемешал все краски и цвета, свет и мрак. Дерево вздрагивает и, кажется, начинает расти, расправлять и разгибать свои ветви. Это одновременно и попытка высвобождения и невозможность высвобождения из заданной изломанной формы. «Крылечки» принимают не-

ожиданно острые гротескные очертания. Конец гармонии — мы чувствуем, как возникает в спектакле нота сатирическая, обнаженное столкновение двух линий: лирико-романтической и гротескной, открыто сатирической. Уже в самом оформлении спектакля заложен конфликт, в центре которого опять же Фальстаф.

Пьеса Шекспира «Виндзорские насмешницы» широко шла по сценам мира. Обычно ее ставили как веселую комедию с розыгрышами и переодеваниями. Главный режиссер Новосибирского ТЮЗа Л. Белов увидел в «Виндзорских насмешницах» серьезный морально-нравственный аспект и прежде всего в отношениях двух сил — сплоченного буржуазного Виндзора и центрального героя комедии Фальстафа. Театр в этом случае не боится отдать свои симпатии последнему.

Историю Фальстафа можно свести к тому, как добродетельные виндзорские дамы проучили и наказали предпримчивого и не слишком разборчивого в средствах волонтера. В ТЮЗе ее прочитали иначе.

Вначале Фальстаф действительно хочет нажиться на ухаживании за миссис Пейдж и миссис Форд и посылает им с этой целью одинаковые («буква в букву») любовные письма. Дамы разоблачили Фальстафа и решили ему отомстить. Но, по мысли режиссера и исполнителя этой

роли заслуженного артиста РСФСР В. Орлова, Фальстаф попадает не столько в сети виндзорских насмешниц, сколько в свои собственные.

Он появляется неожиданно, и на сцене сразу становится тесно. Толстяк громко, от души хохочет, сыплет шутками, целует дамам вместо ручек щеки и небрежно-лениво отмахивается от надоевших своим жалобам приятелей. Герой Орлова при первом же появлении вызы-

преображает любовь. Слово крылья приподнимают его грузную фигуру, и он со смелостью восемнадцатилетнего бросается на колени перед избранницей сердца, распахивая руки в широком жесте. (И его ничуть не смущает поднявшийся при этом столб пыли). Топорщатся усы, блистает взор и громок голос. Фальстаф Орлова комичен, но и благороден, и рыцарствен.

Трогательна почти детская

вает чувство расположения, симпатию — так симпатизируешь здоровому, веселому человеку, в словах и поступках которого нет ни тени ханжества или лицемерия.

Начав игру, он тут же забывает ее правила, цель и средства совершенно неожиданно меняются местами. Нельзя сказать, что Фальстаф влюблен, но как человек увлекающийся, он забывает, что сам вызвал к жизни эту интригу, и с головой уходит в любовные заботы. Он искренне увлечен и поэтому искренне уверен в возможности своей победы, в собственной неотразимости.

И действительно, Фальстафа не узнать, Фальстафа

вера Фальстафа в истинность человеческих чувств. Его пыл не охлаждают ни воды Темзы, ни палка разъяренного Форда, ни угроза публичного осмеяния. Снова и снова с безрассудством и доверчивостью, так похожими на дон-кихотскую одержимость, не желает он верить в ложь, подлость и вероломство.

Актёр органичен и свободен, оставаясь до конца верным режиссерскому замыслу, тонко и многопланово реализуя его. Он соединяет жизненную конкретность, обстоятельность своего героя с той глубиной постижения человеческого характера, что рождает у зрителя самые неожиданные параллели и ассоциа-

ции. Фальстаф для нас в спектакле Л. Белова становится хранителем извечных человеческих ценностей, он оптимистичен и «антибуржуазен», и, даже смеясь над ним, мы словно защищаем его — такую удобную, огромную и простодушную мишень — от злобных выпадов виндзорских добропорядочных граждан. В финале спектакля, пользуясь старинным преданием, они заманивают Фальстафа в лес к волшебному дубу Герна, предлагая нарядиться в костюм Оленя. А сами готовят издевательский маскарад.

Фальстаф приходит туда как пылкий любовник. Несмотря на весь комизм этой фигуры с бубенцами на груди, с ветвистыми оленьими рогами на голове, трудно не поверить восторгу Фальстафа, не поддаться обаянию его убежденности и наивной веры, что чудеса еще возможны.

— Так это были не эльфы, — грустно скажет Фальстаф, когда маски будут сорваны и посыплются насмешки, издевки...

Честное слово, он заслужил, чтобы увидеть настоящего эльфа и улыбку маленькой голубоглазой феи. Но в этой комедии чуда не будет. Будут побитые бока, страшная усталость и неуверенная походка старого человека, которому вся поддержка — огромная песенка о любви, что «сама себе защита, сама себе надежда».

А виндзорские граждане будут стоять молча, провожая Фальстафа насмешливыми взглядами и презрительными улыбочками. До чего же они довольны собой и тем, как отстояли «добродетель»!

«Все, как встарь, и все, как вновь», — пропоет шут, и конец песенки теряется где-то в кулисах.

Комедия окончена.

С. ЗАЙЦЕВА.

НА СНИМКЕ: Фальстаф — В. ОРЛОВ, миссис Куикли — В. ЭИРИХ.
Фото Н. Соничевой.

СССР
г. Новосибирск

129 ЯНВ 1974